

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 342.7

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-452-459

**ПОЛИТИКА И ПРАВО КАК ИПОСТАСИ ВЛАСТИ:
КРИТЕРИЙ РЕГУЛЯТИВНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ**

**POLITICS AND LAW AS THE HYPOSTASIS OF POWER:
THE CRITERION OF REGULATORY SEPARATION**

**Г. А. Борисов, В.А. Носков, В.С. Мочалов
G.A. Borisov, V.A. Noskov, V.S. Mochalov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: borisov@bsu.edu.ru; noskov@bsu.edu.ru; vadim.mochalov2013@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу диалектики взаимосвязи регулятивных потенциалов политики и права, выступающих в качестве когерентной власти и образующих противоречивое единство, когда, с одной стороны, политическая власть заинтересована в правовой легитимации своего статуса, а правовая власть – в силе, опирающейся на мощь государства, а с другой – происходит их отрицание друг друга как воплощения парадигм эффективности (политика) и легитимации (право). Парадигма эффективности определяется фактором «результата», а парадигмы легитимации – фактором «процесса». Симбиоз этих парадигм рождает антиномическое противоречие, являющееся атрибутивной характеристикой политико-правового регулирования общественных процессов.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the dialectics of the relationship between the regulatory potentials of politics and law, acting as a coherent power and forming a contradictory unity, when, on the one hand, the political power is interested in the legal legitimation of its status, and the legal power – in the force, based on the power of the state, and, on the other – there is a denial of each other as the embodiment of the paradigms of efficiency (policy) and legitimation (law). The paradigm of efficiency is determined by the factor of "result", and the paradigm of legitimation – by the factor of "process". The symbiosis of these paradigms gives rise to an antinomic contradiction, which is an attributive characteristic of political and legal regulation of social processes. Being coherent power, politics and law relate to the inherent power – social regulation and the transcendental power of cultural regulation.

Ключевые слова: власть, политика, право, регуляция, эффективность, легитимация, имманентный, трансцендентный, когерентный.

Key words: power, politics, law, regulation, efficiency, legitimacy, immanent, transcendent, coherent.

Прояснение подлинного предназначения политико-правовой ипостаси власти представляется значимым в силу того, что речь идет о регулятивной силе, статус которой, с одной

стороны, окутан ореолом «значимости», а с другой – заключает в себе некоторую «таинственность», ибо не совсем понятно, как политика соотносится с правом, как в целом политико-правовая сила проявляет свою регулятивную специфику, как данная сила задействует регулятивный потенциал, заключенный в других ипостасях власти. В этой связи справедливым представляется мнение Е.Е. Тонкова о том, что «отчетливо просматривается недостаточность фундаментальных исследований современных правовых и организационных форм деятельности государства, особенностей механизма политико-правового регулирования, соотношения политики и права при формировании государственной стратегии, конфликта правовых ограничений и правовых возможностей» [Тонков, 2016, с. 147].

Приступая к анализу этой проблемы, необходимо иметь в виду методологическую презумпцию, ориентирующую на то, что глубинные смыслы политико-правовой власти невозможно выявить из самого факта ее бытия, ибо в данном случае подразумевается погружение в содержательные пласты политико-правового феномена и, соответственно, игнорирование общего контекста – бытия власти как таковой. Ведь учет данного контекста позволяет трансформировать содержательные (феноменологические) характеристики политико-правовой власти в ее существенные (номологические) характеристики, говорящие о том, что политико-правовая власть есть один из дериватов (производных) власти как таковой, занимающая соответствующую регулятивную нишу, имеющая свои особенности с точки зрения регулятивного предназначения. Отсюда становится понятным, почему разговор о политико-правовой власти неизбежно обозначает выход на проблематику власти как таковой.

Вместе с тем движение исследовательской мысли в этом направлении порождает закономерный вопрос касательно «исходной клеточки» анализа бытия власти. Здесь, как представляется, за основу можно взять идею Э. Кассирера о том, что «по сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности – он живет как бы в новом измерении реальности» [Кассирер, 1988, с. 28]. Одним из проявлений подобной «новизны» является заинтересованность человека в эффективном воздействии на окружающую реальность, что неизбежно подразумевает «измерение» этой реальности как необходимое условие оценки эффективности воздействия на нее. Однако «измерение» реальности с точки зрения воздействия может осуществляться лишь в рамках наделения человека соответствующими властными полномочиями, расширяющими и повышающими контролирующей (управленческой) потенциал человека. Это, в свою очередь, приводит к той метаморфозе, что реальность из однородной превращается в разнородную, распадаясь на две фракции, – субъективную (властную) и объективную (социальную), каждая из которых подчиняется «своей» логике, что не исключает, а, напротив, предполагает их подчинение общей логике, определяющей субъектно-объектное отношение, ибо «такое отношение включает реализацию исходящих от субъекта власти побуждений и обратную связь объект – субъект. Вне этой связи власть субъекта не существует» [Кравченко, 1998, с. 26-27].

Как тонко подметил И. Кант, «всякое схватывание того или иного события есть восприятие, следующее за другим восприятием» [Кант, 2018, с. 233]. Данная методологическая подсказка великого мыслителя ориентирует на то, что «восприятие» политико-правовой власти должно основываться на «восприятии» власти вообще, причем, не в перцептивной (чувственной), а в концептуальной (умозрительной) ее вариации. В свою очередь это требует выявления теоретико-методологических основ «восприятия» самой власти, так как в противном случае невозможно расставить соответствующие смысловые акцентировки, заточенные на выявление субстанциальных факторов, конституирующих саму власть.

В юридической и философской литературе власть обычно трактуется (понимается), во-первых, как вид управления, регулирования и контроля над энергией, силой и ресурсами, которыми располагает общество; во-вторых, как мощное средство упорядочения социальных отношений, повышения негэнтропийного эффекта; в-третьих, как культура человеческих сообществ, мера нормирования отношений людей, принятие ими на себя определенных ограничений в поведении и деятельности; в-четвертых, как волевое отношение, носящее целенаправленный (целеполагающий) характер, т.е. изменение поведения через изменение методов и целей людей; в-пятых, как дифференциация, структурированность челове-

ческих сообществ, что выражается в асимметричности, иерархизированности; в-шестых, как связь с жестокостью, подавлением, усилением межгрупповой и внутригрупповой дифференциации и эксплуатации (вследствие очевидной опасности бесконтрольной власти), делающее необходимым ее регулирование и контроль [Демидов, 1995, с. 4].

Выше приведенные дефиниции власти заточены на выделение какого-либо одного аспекта бытия власти, но как бы оставляют в тени признание за властью онтологического статуса. В последнем случае трактовка власти ориентирует на ее понимание как универсального цивилизованного средства, предполагающего то, что «власть – сдобренная цивильностью, облагороженная способность, порожденная внутренней организованностью, иерархизованностью человеческих самопроявлений, которые реализуются в контексте заданных на них отношений побуждения и принуждения, управления и контроля, подчинения и соподчинения, координации и субординации, зависимости, взаимозависимости и полной и частичной независимости, т.е. всего того, в границах, при явном и скрытом, однако активном участии чего разворачивается обмен деятельностью, обработка людьми друг друга» [Ильин, 1994, с. 6]. Здесь, однако, становится очевидным то, что признание онтологического статуса власти есть лишь первый методологический шаг, создающий основу для второго шага, – выявления основных ипостасей власти, т.е. форм проявления ее регулятивного предназначения. Поэтому возникает необходимость в поиске единого критерия, на основе которого данные ипостаси (формы) власти можно выявить. Как представляется, этим критерием может стать учет *степени погружения* власти в общество. Смысл таков, что чем в большей степени власть «погружена» в общество, тем в меньшей степени она самостоятельна, поскольку усиливает свою зависимость от регулятивных импульсов, исходящих от общества, и наоборот. Отсюда можно обозначить следующие ипостаси власти:

– *имманентную (от лат. immanentis – пребывающий внутри) власть*, основывающуюся на потребностях, прописанных в обществе – *демандократию*;

– *когерентную (от лат. cohaerens – находящийся в связи) власть*, опирающуюся на интересы, характерные для основных социальных страт, слоев и групп общества – *интересократию*;

– *трансцендентную (от лат. transcendens – выходящий за пределы) власть*, определяющуюся ценностями, имеющими относительно самостоятельный статус, жестко не детерминированных динамично изменяющейся социальной конъюнктурой – *аксиократию*.

Другими словами, речь идет о трех ипостасях власти: (1) тотально зависящей от общества *социальной (имманентной) власти*; (2) претендующей на роль представителя общества *политической (когерентной) власти*; (3) абстрагированной от общества *культурной (трансцендентной) власти*. В первом случае власть трудно отделить от общества, поскольку обе эти силы слиты воедино, олицетворяя собой потребностную (само)регуляцию, во втором случае власть позиционирует себя по отношению к обществу в качестве самостоятельной регулятивной силы, являя собой организацию, предназначенную для обоснования, канализации, защите социальных интересов, наконец, в третьем случае власть видит свою миссию в приобщении различных социальных фракций к ценностным доминантам, заключающим в себе высшие смыслы.

При данном раскладе выходит, что ключевым спарринг-партнером общества является политическая (когерентная) власть, поскольку для нее не характерно как стремление слиться с обществом – идеал социальной власти, так и стремление максимально дистанцироваться от него – идеал культурной власти. Действительно, социальную власть трудно соотносить с обществом, поскольку она «всепоглощающая», т.е. пронизывает все клеточки общественного организма, равно как и культурную власть сложно подвергнуть подобной процедуре по причине ее «отдаленности» от общества. Выходит, что власть коррелируется (соотносится) с обществом преимущественно в политической своей ипостаси. Подобная корреляция носит органический характер, поскольку она становится возможной в рамках не «монистической» (всепоглощающей), а «дуалистической» (разделяющей) социальности – большой и малой социальности. Выражаясь иначе, «монистическая» социальность воплощает собой социальную власть – всепроникающую регулятивную стихию,

разлитую в обществе, тогда как «дуалистическая» социальность имеет отношение к корреляции *акцентированного регулятивного воздействия* в лице политической власти и *дисперсного (рассеянного) саморегулирования*, характерного для общества.

Здесь можно сослаться на мнение В.В. Ильина и А.И. Ахиезера, согласно которому интеракция власти и общества выступает как взаимодействие *двух типов социальности* – *большой и малой*. Большая социальность – это пространство политики, включающее множество институтов, полномочных должностных учреждений, административных функций, властных организаций. Это государственно-публичная сфера. Малая социальность – неполитическая зона, хотя и допускающая проникновение публично-государственного по каналам семейного права, социального патронажа, но по сути являющаяся совокупностью неинституционализированных реакций, частных утверждений, индивидуальных решений. Если «малая» социальность аккумулирует опыт персональной коммуникации в естественной повседневности, то «большая» социальность есть опыт, ориентированный на нормативное (благочинное) поведение индивида, обретающего устойчивость через осознание принадлежности к некоторому целому, ассоциирующимся с поведением «на людях». «Малая» социальность – олицетворение персонально волевых, центробежных, тогда как «большая» социальность – имперсонально-сознательных, центростремительных импульсов и реакций [Ильин, Ахиезер, 1997, с. 128]. Напрашивается вывод, что благодаря социальной «отягощенности» политическая власть становится когерентным – органически связанным с обществом регулятором, претендующим в своем социологическом облике на статус власти как таковой. Здесь, однако, возникает новый вопрос: почему необходимо исследовать именно политико-правовую власть и, следовательно, избегать редукционистского соблазна сводить когерентную ипостась власти исключительно к ее политической оболочке? Как известно, понятие «политика» происходит от древнегреческого *Politike*, смысловым ядром которого является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти [Бовин, 1983, с. 507]. Подобная трактовка политики, получившая «прописку» в философской и научной мысли в античную эпоху и ставшая с тех пор эпистемологическим канонem, сводится к ее отождествлению преимущественно с государством/государственностью/государственными началами. Этот подход можно назвать «*этактистским*», объясняющим политику сквозь призму процессов, факторов и структур, связанных с бытием государства. Широкое распространение получила также «*референтная*» трактовка политики, согласно которой ее первичными субъектами являются большие социальные группы и их организации, а все остальные субъекты выступают в данном качестве, если в своих действиях они ссылаются на интересы и порядок политических ценностей больших социальных групп, слоев, народов, наций. С этой точки зрения политика есть сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными и социально-этническими образованиями по поводу завоевания, удержания и использования власти, которую «можно определить как способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своим намерением» [Ледяев, 2000, с. 108].

Нетрудно убедиться, что в рамках *этактистской* (центрированной на государстве) и *референтной* (центрированной на обществе) трактовках политика ассоциируется с властью – регулятивной силой, берущей на себя роль защитника государственных и общественных интересов. Вышеобозначенные трактовки имеют отношение к «чистой» политике, когда констатируется, что вне политики как регулирующей силы обществу уготована перспектива скатывания к состоянию хаоса, турбулентности, ухода в небытие. Здесь, однако, не учитывается то, что в своих актуализированных формах политика «отягощена» многими проблемами, среди которых важнейшей является проблема *легитимации* регулятивного предназначения политики. Другими словами, *констатировать* регулятивную ангажированность политики – это одно, а давать ее *оценку* – другое. Следовательно, констатация ключевой регулятивной роли политики по отношению к обществу должна дополняться легитимацией (оправданием) этой роли, ибо в противном случае, строго говоря, невозможным станет бытие самой политики, поскольку под вопросом окажется ее отличие от других (например, криминальных) регулятивных сил. Как отмечает С.С. Черных, «власть, чтобы проявляться в

форме авторитета, должна заключать в себе идею справедливости. Исходя из нее, между людьми будут возникать собственно правовые отношения» [Черных, 2018 с. 28-29]. Именно право придает политике статус легитимной силы, получая взамен возможность стать «укорененной» фракцией власти, что дает основание говорить о едином политико-правовом регулятивном комплексе, в рамках которого имеет место фундаментальная зависимость потенциалов политики и права, их тяготение друг к другу, стремление ко взаимной компенсации издержек, связанных с регулятивным воздействием когерентной власти на общество. Право получает от политики силу, опирающуюся на авторитет государства как ключевого социального института, а политика от права – легитимные основания регулятивного воздействия на общество. В результате когерентная власть, потенциально выступая исключительно в политической ипостаси – интересократии, будучи актуализированной, неизбежно дополняет политическую свою ипостась правовой – *номократией*.

Если социальная власть – демандократия – «растворена» в обществе, культурная власть – аксиократия – «возвышена» над обществом, то политико-правовая власть – интересо-номократия – «укоренена» в обществе. Как известно, понятие «*nomos*» в переводе с греческого означает «закон». А любой правовой закон как регулирующая сила накладывается на общественные отношения как принудительная сила, т.е. как обязательная норма – «общее правило поведения, действующее непрерывно во времени в отношении неопределенного круга лиц и неограниченного количества случаев» [Алексеев, 1999, с. 33]. Поэтому интересы как прерогатива политики и нормы как прерогатива права не просто «укоренены» в обществе, но образуют органическую регулятивную связку. «Укорененность» когерентной власти обусловлена социальной неоднородностью общества, что равнозначно спецификации интересов каждой социальной группы, стремлению к тому, чтобы эти интересы были представлены на уровне организованной политической силы. Последняя в не меньшей степени заинтересована в том, чтобы представлять эти интересы, ибо вне этого ее бытие теряет всякий смысл. Однако сама апелляция политической силы к социальным интересам являет собой «норму», имеющую под собой правовую подоплеку, ибо речь идет о прерогативе, характеризующей того, кто претендует на роль *справедливой силы*, того, кто уповает на то, что достижение статуса легитимной регулирующей силы возможно лишь на путях свободного волеизъявления граждан. Как известно, «суть права... состоит в культивировании автономии человека, т.е. в диалектическом сопряжении свободы – способности человека нести *персональную ответственность* за свои действия перед обществом (государством) и справедливости – способности человека требовать *социальной ответственности* общества (государства) за свое персональное благополучие. Именно подобное сопряжение Свободы и Справедливости и конституирует Порядок» [Носков, 2017, с. 40]. Поэтому обязательность («нормативность») апелляции к социальным интересам делает политическую власть политико-правовой властью.

Вместе с тем сам факт апелляции некоторой силы к социальным интересам придает этой силе политический вес лишь *потенциально*, но не *актуально*, ибо последнее возможно лишь в случае, когда политика вписывается в требования права – олицетворяет регуляцию, основанную на ценностях Свободы и Справедливости. Именно будучи в своем актуализированном (рабочем) состоянии, правовая норма де-факто становится политической ценностью, наделенной статусом регулятивной силы. На подобную диалектику, как представляется, обращает внимание Н. Неновски: «Норма является ценностным отражением действительности, она несет ценностную "нагрузку" (объективирует ценности)... В ее содержании запечатлевается существующее, которое еще не является действительным, но которое... желанно для общества, класса, социальной группы в качестве субъектов, ставящих цели и формулирующих, "творящих" должное. Вот почему для указанных субъектов должное... имеет более высокий ценностный ранг, чем сущее» [Неновски, 1987, с. 115].

Можно предположить, что под сущим скрывается политический, а под должным – правовой регуляторы, в совокупности конституирующие когерентную власть. Вместе с тем это единство политики и права противоречиво, ибо речь идет о сопряжении двух разных парадигм, ориентирующих соответственно на количественные и качественные харак-

теристики регулятивного воздействия. С точки зрения политики главенствующую роль играет «количество», ибо только на этой основе можно выйти на «материю», поддающуюся измерению – *проблему эффективности* регулятивного воздействия. С точки же зрения права эту роль играет «качество», которое не поддается измерению, ибо определяется фактором веры – *проблемой легитимности* регулятивного воздействия. Данные регулятивные парадигмы находятся в своеобразной «сцепке», что, однако, не снимает вопроса об их «первичности» и «вторичности». Показательно в этой связи мнение современного российского политического философа А.С. Панарина, который, анализируя взаимодействие двух ветвей власти США – Президента (ответственного за решение проблемы эффективности) и Конгресса (ответственного за решение проблемы легитимности), приходит к следующему выводу: «Отцы-основатели отдавали себе полный отчет в том, что правовой педантизм, обеспечивающий легитимность, способен существенно тормозить принятие решений и в целом сказываться на эффективности. И все же они пошли на это, полагая, что опасности, вытекающие из ограничений эффективности, менее страшны, чем опасности власти, у которой развязаны руки» [Панарин, 1997, с. 34].

В свете изложенного становится очевидным, что политика определяется двумя полюсами ее бытия – физической и метафизической. В первом случае у регулятивной силы «развязаны руки» с точки зрения использования средств для достижения искомой цели – *эффективного результата*. Здесь речь идет о «физической» политике, освящающей путь, когда «цель оправдывает средства» (в духе Макиавелли). Во втором случае регулятивная сила характеризуется избирательностью применительно к используемым средствам, что побуждает трансформировать искомую цель в *легитимный результат*. Этот результат становится возможным лишь на путях «метафизической» политики, когда «средство оправдывает цель» (в духе Канта). В сухом остатке получается, что «абстрактная» постановка вопроса касательно ранжирования составляющих дихотомии «физическая политика-метафизическая политика» подразумевает констатацию того, что они дополняют друг друга в качестве регулятивных потенциалов. Постановка же этого вопроса, что называется, «ребром» побуждает отдать приоритет именно «метафизической политике» как олицетворяющей регулятивную силу, вписывающуюся в требования, вытекающие из ценностей Свободы и Справедливости – сущности правового бытия. Игнорирование этих требований превращает политику в «физическую» регулятивную силу, возобладающую над правом. Но «возобладание политики над правом приводит... к прямым противоречиям, незаконным политическим акциям... В определенном смысле оправданным становится выражение: политика – это грязное дело» [Борисов, 2007, с. 158]. Строго говоря, метафизическая политика есть аутентичная (подлинная) политика, ибо она воспринимается социальным миром как регулятивная сила, имеющая индульгенцию – легитимные основания для своего позиционирования в качестве регулирующей силы. В свою очередь, это означает, что аутентичная политика есть ни что иное, как политико-правовая власть, «отягощенная» антиномическими (неразрешимыми) противоречиями между двумя фундаментальными регулятивными принципами – эффективности (в политической оболочке) и легитимности (в правовой оболочке).

В сопряжении этих принципов и выкристаллизовывается диалектика регулятивного бытия политико-правовой власти, показывающая, что, потенциально дополняя друг друга, они, будучи актуализированными, обозначают приоритет легитимности перед эффективностью, причем не в виде *однозначного результата*, а в виде *тенденции*, заключенной в прокрустово ложе антиномических противоречий. Именно признание данных противоречий позволяет избежать соблазнов сводить процессы социального развития исключительно к линейным трактовкам – фатально обусловленным переходам от полицейского к правовому государству, от тоталитарного к гражданскому обществу, от индивидуального к личностному самовыражению человека и т.д.

Отсюда следует, что фундаментальное тяготение политики к легитимности означает ее привязку к праву, что конституирует симбиоз – политико-правовую власть как ключевой регулятор общественных отношений. Не случайно проблема легитимности власти

становится объектом пристального внимания М. Вебера. По его мнению, власть идет к признанию своей легитимности тремя путями, выступая, как 1) «традиционное господство» в лице, например, патриарха или князя; 2) «харизматическое господство» в лице, например, князя-военачальника или политического партийного вождя; 3) «легальное господство» в лице, например, современного государственного служащего [Вебер, 1990, с. 645-646]. Иначе говоря, политическая власть на путях своей легитимации может задействовать потенциалы (1) традиционалистского права (апелляции к повседневности), (2) персоналистского права (апелляции к «великой» личности), (3) легистского права (апелляции к закону). Следовательно, в своих архетипических основаниях политическая власть, по М. Веберу, выступает в правовом облике либо как власть Отца/Патриарха (традиционализм), либо как власть Вождя/Гуру (харизматизм), либо как власть Чиновника/Юриста (легизм). Причем в любом случае политическая власть запрограммирована на «заигрывание» с правовой властью, поскольку лишь подобная интенция делает ее легитимной силой, ответственной за решение социальных проблем в духе справедливости, уважения прав и свобод граждан. Подчеркнем, что речь идет именно о «заигрывании», поскольку, как справедливо отмечает С.С. Алексеев, «политическая власть... сама по себе нуждается только в одном праве – в "праве власти"» [Алексеев, 1999, с. 700]. Эта власть, однако, «вынуждена считаться со свойствами правовой материи, юридическими формами и процедурами, общепринятыми юридическими канонами» [Алексеев, 1997, с. 74]. Отсюда вытекает необходимость четко различать окрашенную в конъюнктурные (декларативные) тона апелляцию политической власти к праву и ее объективную заинтересованность (в лице одобрения со стороны общества) в использовании регулятивного инструментария правового регулирования.

Таким образом, политико-правовая власть в силу своей когерентной природы берет на себя роль своеобразного «рабочего» регулятора многообразных проявлений социальной активности, воплощая в своем онтологическом (фактическом) статусе власть как таковую. Эта власть основывается на диалектическом (противоречивом) сопряжении регулятивных потенциалов политики и права, когда первое благодаря второму становится аутентичной (подлинной) политикой, а второе благодаря первому превращается в позитивное (в качестве системы законодательства) право, становясь регулятором, опирающимся на мощь государства как ключевого социального института. Подобное единство политики и права не абсолютное, а относительное, поскольку каждый из этих регуляторов подчиняется «своей» парадигме – либо эффективности (политика), либо легитимности (право). И сопряжение регулятивных потенциалов этих парадигм необходимо понимать в диалектическом ключе – как никогда не прекращающуюся борьбу по расставлению соответствующих принципиальных акцентировок в деле регулятивного «облучения» общества.

Список литературы

1. Алексеев С.С. 1999. Право: азбука – теория-философия: Опыт комплексного исследования. М., «Статут»: 712.
2. Алексеев С.С. 1997. Философия права. М., НОРМА: 336.
3. Бовин А.Е. 1983. Политика. В кн.: Философский энциклопедический словарь. Под ред. Л.Ф. Ильичева. М., Сов. Энциклопедия: 507-508.
4. Борисов Г.А. 2007. Теория государства и права. Белгород, Изд-во БелГУ: 292.
5. Вебер М. 1990. Политика как призвание и профессия. В кн.: Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М., Прогресс: 644-706.
6. Демидов А.И. 1995. Власть в единстве и многообразии ее измерений. Государство и право, 11: 3-11.
7. Ильин В.В. 1994. Философия власти. М., Изд-во МГУ: 271/
8. Ильин В.В., Ахиезер А.С. 1997. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., Изд-во МГУ: 384.
9. Кант И. 2018. Критика чистого разума. М., Изд-во АСТ: 784.
10. Кассирер Э. 1988. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. В кн.: Проблема человека в западной философии. Сост. и послесловие П.С. Гуревича. М., Прогресс: 3-30.

11. Кравченко И.И. 1998. Введение в исследование политики. М., ИФРАН: 188.
12. Ледяев В.Г. 2000. Власть: концептуальный анализ. Полис, 1: 97-107.
13. Неновски Н. 1987. Право и ценности. Пер. с болг. М., Прогресс: 248.
14. Носков В.А. 2017. Апология интегративного права в свете рефлексивной трактовки. Журнал российского права, 5: 37-45.
15. Панарин А.С. 1997. Политология. Учебник. М., Проспект: 408.
16. Тонков Е.Е. 2016. Государство созидающее: совершенствование форм деятельности в условиях модернизации. В кн.: Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. Под ред. О.Н. Полухина. М., Юрлитинформ: 142-210.
17. Черных С.С. 2018. Антропология власти: опыт концептуальной реконструкции. Автореферат дисс. ... д-ра филос. наук. Белгород: 39.

References

1. Alekseyev S.S. 1999. Pravo: azbuka – teoriya-filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya [Law: ABC-theory-philosophy: experience of complex research]. М., «Statut»: 712.
2. Alekseyev S.S. 1997. Filosofiya prava [Philosophy of law]. М., NORMA: 336.
3. Bovin A.Ye. 1983. Politika [Politics] In: Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. [Philosophical encyclopedic dictionary]. Pod red. L.F. Il'icheva. М., Sov. Entsiklopediya: 507-508.
4. Borisov G.A. 2007. Teoriya gosudarstva i prava. [Theory of state and law. Textbook] Belgorod: Izd-vo BelGU, 292.
5. Veber M. 1990. Politika kak prizvaniye i professiya [Politics as a vocation and profession]. V kn.: Veber M. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. Per. s nem. М., Progress: 644-706.
6. Demidov A. I. 1995. Vlast' v yedinstve i mnogoobrazii yeye izmereniy [Power is in the unity and diversity of its dimensions]. Gosudarstvo i parvo, 11: 3-11 (in Russian)
7. Il'in V.V. 1994. Filosofiya vlasti [Philosophy of power]. М., Izd-vo MGU: 271.
8. Il'in V.V., Akhiyezer A.S. 1997. Rossiyskaya gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy [Russian statehood: origins, traditions, prospects]. М., Izd-vo MGU: 384 p.
9. Kant I. 2018. Kritika chistogo razuma [Criticism of pure reason]. М., Izd-vo AST: 784.
10. Kassirer E. 1988. Opyt o cheloveke: vvedeniye v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury [Human experience: introduction to the philosophy of human culture]. In: Problema cheloveka v zapadnoy filosofii [The problem of man in Western philosophy]. Sost. i poslesloviye P.S. Gurevicha. М., Progress: 3-30.
11. Kravchenko I.I. 1998. Vvedeniye v issledovaniye politiki [Introduction to the study of politics]. М., ИФРАН: 188.
12. Ledyayev V.G. 2000. Vlast': kontseptual'nyy analiz [Power: a conceptual analysis]. Polis, 1: 97-107.
13. Nenovski N. 1987. Pravo i tsennosti [Law and values]: Per. s bolg. М., Progress: 248.
14. Noskov V.A. 2017. Apologiya integrativnogo prava v svete refleksivnoy traktovki [Apologia of integrative law in the light of reflexive interpretation]. Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian law], 5: 37-45.
15. Panarin A.S. 1997. Politologiya. Uchebnik [Political science. Textbook]. М., Prospekt: 408.
16. Tonkov Ye.Ye. 2016. Gosudarstvo sozidayushcheye: sovershenstvovaniye form deyatel'nosti v usloviyakh modernizatsii [The creative state: improvement of forms activities in the conditions of modernization]. In: Gosudarstvo sozidayushcheye: yuridicheskaya model' i sovremennyye riski [The creative state: the legal model and modern risks]. Pod red. O.N. Polukhina. М., Yurlitinform: 142-210.
17. Chernykh S.S. 2018. Antropologiya vlasti: opyt kontseptual'noy rekonstruktsii [Anthropology of power: the experience of conceptual reconstruction]. Avtoreferat diss. ... d-ra filoz. nauk. Belgorod: 39.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Борисов Г.А., Носков В.А., Мочалов В.С. 2019. Политика и право как ипостаси власти: критерий регулятивного размежевания. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 452–459. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-452-459

Borisov G.A., Noskov V.A., Mochalov V.S. 2019. Politics and law as the hypostasis of power: the criterion of regulatory separation. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 452–459 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-452-459